

С.А. Гладких

*Котласский филиал Государственного университета
морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова*

ОБ ОДНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ИСТОЧНИКЕ ПО УЧАСТИЮ ЖИТЕЛЕЙ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ

В статье анализируется обнаруженный в фондах Государственного архива Вологодской области исторический источник – «Списки запасных нижних чинов Маньчжурской армии и флота по уездам Вологодской губернии». По итогам выявленных достоинств и недостатков документа делается вывод о ценности данного источника информации для исторических исследований.

Вологодская губерния, участники русско-японской войны, исторические источники.

Автор данной публикации уже не первый год занимается поиском сведений об участниках русско-японской войны 1904–1905 гг., проживавших на территории бывшей Вологодской губернии. Эта работа требует больших затрат времени на выявление и сопоставление информации из различных центральных и региональных архивов, причем для анализа привлекаются документы самых разных организаций, далеко не всегда имеющих отношение к военному делу.

В 2016 г. в фондах Государственного архива Вологодской области удалось обнаружить новый, весьма объемный и очень ценный источник информации – «Списки запасных нижних чинов Маньчжурской армии и флота по уездам Вологодской губернии» [7]. Такова формулировка названия по архивной описи, а в момент комплектования дела именовалось «По вопросу об обеспечении запасных нижних чинов Маньчжурской армии и флота». Особенно интересно, что этот важный документ по военной истории создан в самом мирном учреждении. Списки были составлены в 1908–1910 гг. для сугубо гражданской организации – Вологодской губернской землеустроительной комиссии, предпринявшей попытку выявить участников русско-японской войны, проживающих на территории губернии.

Побудительной причиной такой инициативы стал утвержденный 19 сентября 1906 г.¹ Комитетом по землеустроительным делам при Главном управлении землеустройства и земледелия «Наказ землеустроительным комиссиям», содержащий в отношении ветеранов войны три важных пункта. Статья 26 «Наказа» гласила: «При распродаже крестьянам переданных Крестьянскому банку удельных земель, комиссии обращают особое внимание на отвод участков нуждающимся запасным Маньчжурских армий и флота, в особенности раненым». Согласно статье 27, таким крестьянам «комиссии, если признают нужным, дают заключения о выдаче... ссуд в размере полной оце-

ночной стоимости участка». А в статье 48 говорилось: «При распродаже казенных земель комиссии обращают особое внимание на отвод участков нуждающимся запасным Маньчжурских армий и флота, в особенности раненым» [11, с. 246, 249].

Таким образом, при проведении некоторых землеустроительных работ в ходе столыпинской аграрной реформы нуждавшиеся участники русско-японской войны должны были обслуживаться в приоритетном порядке. Однако сведений, подтверждающих практическую реализацию данных положений на территории Вологодской губернии, пока не обнаружено. Возможно, в связи с тем, что в землеустроительную комиссию поступили сведения о неожиданно большом количестве участников войны, от контроля за данным процессом на губернском уровне отказались. Однако все детали и обстоятельства этой еще не вполне ясной истории предстоит выяснить в будущем.

Тем не менее, результатом предпринятых комиссией усилий стало появление упомянутого исторического источника – «Списков запасных нижних чинов Маньчжурских армий и флота». Это весьма неудачное название несколько искажает формулировки «Наказа» и сразу выдает гражданский статус составителей списков, поскольку, во-первых, запасные нижние чины (то есть рядовой и унтер-офицерский состав) не могли относиться к конкретной армии; во-вторых, Маньчжурских армий было три; а в-третьих, флот назывался не Маньчжурским, а Тихоокеанским. Впрочем, общее содержание списков по их названию вполне понятно.

Задача выявления всех участников войны по Вологодской губернии не могла быть реализована силами указанного гражданского ведомства, так как местные землеустроительные комиссии существовали лишь в семи уездах: Велико-Устюгском, Вельском, Вологодском, Грязовецком, Кадниковском, Сольвычегодском и Тотемском. Они-то и представили соответствующие списки, тогда как аналогичные перечни по трем оставшимся уездам – Никольскому, Усть-Сысольскому и Яренскому – отсутствуют. Тем не ме-

¹ Все даты в тексте даны по Юлианскому календарю (старому стилю).

нее из сохранившихся списков можно узнать о многих вологжане, сражавшихся в начале XX века на Дальнем Востоке (здесь и далее собирательным наименованием «вологжане» для краткости именуется не только жители города Вологды, но и жители всей Вологодской губернии).

Интересно, что некоторые запасные нижние чины знали о положенных им льготах: так, еще до начала сбора необходимых статистических данных 2 апреля 1908 г. в Вельскую уездную землеустроительную комиссию с соответствующим ходатайством по статье 26 «Наказа» обратился крестьянин деревни Павшинской Шелотской волости Кузьминский (почему-то отсутствующий в уездном списке) [7, л. 3]. Однако большинство ветеранов войны, очевидно, узнали о своих преимущественных правах только во время сбора требуемых сведений.

В целом же процедура составления списков осуществлялась следующим образом. Образованная лишь 22 марта 1908 г. губернская землеустроительная комиссия [6, л. 60] уже 27 мая 1908 г. обратилась к уездным комиссиям с предложением «выяснить немедленно, на основании ст. 26 и 48 Наказа, число, находящееся в уезде, запасных нижних чинов Манчжурской армии и флота, войдя для сего в сношения с местным воинским начальником, а также земельное их обеспечение, сообщив затем копии составленных таким образом ведомостей губернской комиссии» [7, л. 1, 10].

Но, как оказалось, Управления уездных воинских начальников (по-современному – военкоматы) такой статистики не вели, и отнюдь не горели желанием выполнять «лишнюю» работу по запросу постороннего ведомства. Выборка необходимых сведений из послужных списков всех стоявших на учете запасных заняла бы очень много времени, а данных на уволенных от службы по ранениям и болезням в управлениях и вовсе не имелось: соответствующие документы находились на руках комиссованных нижних чинов.

Поэтому весьма показателен ответ вологодского уездного воинского начальника: «Сообщаю, что особых списков нижним чинам запаса Манчжурской армии и флота в управлении не имеется. Составлять же таковые списки в настоящее время по документам за восемнадцать лет, ввиду усиленных занятий благодаря переходу к новому порядку учета запасных нижних чинов, по недостатку времени не представляется возможным, а потому предлагаю обратиться за необходимыми справками непосредственно в волостные правления» [7, л. 2–2 об.].

В результате рутинную работу по сбору требуемых материалов переложили на низовое управленческое звено – волостные правления, которые не могли не подчиниться указаниям вышестоящей власти, в роли которой в данном случае выступили уездные комиссии. Однако сбор сведений, осуществлявшийся как методом выборки из волостных документов, так и путем опроса местных запасных, а также передача полученной информации далее по инстанции потребовали существенных затрат времени.

Первой отчиталась Вельская землеустроительная комиссия, закончившая составление списка 7 октября 1908 г. Активность этой комиссии, возможно, объяс-

няется тем, что в Вельске находилось контролируемое немалую территорию Управление Вельского уездного округа, что актуализировало исполнение статьи 26 «Наказа». 9 октября завершили работу Велико-Устюгская и Сольвычегодская комиссии. Остальным, запоздавшим с предоставлением списков, пришлось напоминать из губернского центра дважды: 25 сентября и 26 ноября 1908 г. Тем не менее Тотемская комиссия справилась с поставленной задачей только 4 марта 1909 г., Грязовецкая – 1 сентября 1909 г., Кадниковская – 28 января 1910 г., а Вологодская – 5 августа 1910 г. [7, л. 13, 39, 79, 113, 145, 161, 176].

Единой формы предоставления запрошенных сведений разработано не было, поэтому в каждом уезде собранные данные оформляли по-своему. В волостных правлениях также подошли к организации этого процесса в меру своего разумения. Поэтому объем и содержание сведений по разным уездам и волостям существенно различаются. Весьма наглядно это проявилось, например, в списке по Велико-Устюгскому уезду. Здесь особенно бросается в глаза огромный количественный разброс данных по волостям. Так, в списке по Нюксенской волости значится единственный человек, по Приводинской и Трегубовской – два человека, тогда как по Шемогодской – 84, Удимской – 85, а Целяковской – 97 человек.

Помимо нежелания заниматься сбором информации по внезапно спущенному «сверху» указанию и, соответственно, работы «спустя рукава» (а ведь из той же Нюксенской волости в боях русско-японской войны участвовал отнюдь не один, а не менее 15 человек), эти цифры показывают, что в волостных правлениях по разному подходили к оценке термина «участник войны». Где-то под ним понимались непосредственные участники боев и сражений, а где-то – все призванные и мобилизованные в 1904–1905 гг. безотносительно к тому, попали ли они вообще на театр военных действий. Об этом свидетельствуют и указания срока поступления на службу отмеченных в устюжском списке лиц: здесь нередко встречается и 1891 г., то есть запасные самых старших сроков, и 1905 г., то есть новобранцы [7, л. 86, 88]. Обе эти категории военнослужащих реально в войне не участвовали.

Во всех уездных списках материалы структурированы в виде табличных пофамильных перечней отдельно по волостям, но без соблюдения алфавитного порядка, что затрудняет обработку данных. Исключением является сольвычегодский список, который содержит валовый перечень запасных уезда, но тоже не по алфавиту. Объем представленной информации разный: например, принятая комиссиями табличная форма варьируется от пяти граф в тотемском списке до 18 граф в кадниковском, хотя здесь часть граф не заполнялась, и максимум сведений приводится в разбивку на 16 граф в таблице Вельского уезда. Общими пунктами всех списков являются имя и фамилия нижнего чина, место его проживания, указание на ранение (за исключением тотемского списка), семейное положение и количество имеющейся земли. Подробность изложения последних данных существенно различается. Например, в кадниковском списке состав семьи приводится поименно, в вологодском и грязовецком

списках количество земли указывается с точностью до квадратных саженей.

Наиболее ответственно к делу подошли в Вельской комиссии. Еще до составления общего списка, 29 июля 1908 г., из Вельска в губернский центр был представлен список обеспеченных земель при содействии комиссии «запасных нижних чинов Маньчжурских армий и флота», содержащий 91 фамилию [7, л. 6–8 об.]. Составленный осенью общий уездный список, позже дополненный еще 119 фамилиями, содержит чрезвычайно подробные данные, особенно по семейному положению и имущественному обеспечению: показаны число лиц в семье по половозрастным категориям, количество земли по разным формам владения (надельная, купленная, арендованная), численность скота (отдельно лошадей, коров и мелких копытных), примерная стоимость построек и «мертвого инвентаря». Тем не менее к качеству изложенной информации возможны претензии: так, Иван Васильевич Быков из деревни Шелотской Есютинской волости в июльском списке значится обеспеченным землей, а согласно итоговому списку «земли не имеет и на родине не проживает» [7, л. 8, 51 об.–52].

С вельским списком сходен перечень по Кадниковскому уезду. В местной комиссии решили особо не мудрствовать, и вписали необходимые данные в типовой список домохозяев, лишь оставив незаполненными некоторые графы. Ценной особенностью кадниковского списка является указание имен и возраста всех членов семьи. Остальные уездные перечни не столь масштабны. К сожалению, в вологодском и грязовецком списках отсутствуют отчества запасных. Наименее содержателен список по Тотемскому уезду, который включает лишь фамилию, имя и отчество нижнего чина, указание на место его проживания, количество членов семьи и площадь надельной земли в десятинах.

С точки зрения военной истории наиболее значимы три списка. В сольвычегодском, помимо раненых, указаны и бывшие военнопленные, а также приведены вид вооруженных сил и род войск (флот, пехота, кавалерия, артиллерия, саперные части), где ранее служили запасные. В кадниковском списке во многих случаях указано воинское звание запасных, а по Новостаросельской волости – название их воинской части (конкретные полк, батарея или флотский экипаж). Однако наиболее информативен список по Велико-Устюгскому уезду. Он уступает другим уездам губернии по количеству перечисленных фамилий, но в нем приводятся год поступления на службу, воинское звание, полученные ранение или контузия, а по Забелинской и Трегубовской волостям – наименование воинской части. Поэтому информация о воинской службе устюжан по сравнению с другими уездами более полная.

Список по Вологодскому уезду можно проверить и уточнить по делу «О нижних чинах Маньчжурской армии и флота Вологодского уезда» в фонде Вологодской уездной землеустроительной комиссии [8], где сохранились исходные списки по волостям, более полные по сравнению с итоговым уездным списком. Например, во многих волостных списках, в отличие от уездного, указаны отчества, а также более точно переданы фамилии и названия деревень, иногда под-

вергшиеся искажениям в общем перечне. По материалам этого дела отчетливо прослеживается и «технология» сбора и обработки сведений уездной комиссией.

Некоторые следы работы составителей списков сохранились и в других архивах. Например, в Великоустюгском центральном архиве находится список по Вострой волости [1, л. 19–20 об.], полностью идентичный соответствующим данным из уездного списка, обнаруженного в областном архиве. В Государственном архиве Архангельской области хранится дело под названием «Список запасных нижних чинов Маньчжурских армии и флота из крестьян Сольвычегодского уезда» [5], по содержанию сходное с делом Вологодской уездной комиссии. Здесь содержатся волостные списки и итоговый пофамильный перечень, который дублирует список, переданный в губернский центр.

К сожалению, в связи с отраслевой спецификой документа в большинстве уездных списков отсутствуют данные о горожанах (кроме жителей Грязовца и Кадникова), а ведь на территории губернии находились двенадцать городов с общей численностью населения, по данным всероссийской переписи 1897 г., 62759 человек [15, с. 106]. Среди них также было немало участников русско-японской войны. Встречаются в перечнях и иные «географические» лакуны, когда полностью отсутствуют сведения по отдельным волостям. Тем не менее, в целом списки землеустроительных комиссий дают весьма внушительную цифру: 6265 человек (Велико-Устюгский уезд – 484, Вельский без учета предварительного июльского перечня – 1251, Вологодский – 1001, Грязовецкий – 739, Кадниковский – 1316, Сольвычегодский – 667, Тотемский – 807). Однако иными архивными документами подтверждается участие в войне значительно меньшего числа лиц из фигурирующих в этих списках. Например, среди 484 человек устюжского списка реальных участников войны пока выявлено только 62. Почему же наблюдается столь большое статистическое расхождение?

Дело в том, что в перечни землеустроительной комиссии, как говорилось ранее, попали не только реальные участники войны, но и многие из числа призванных и мобилизованных в военное время. Так, осенью 1904 г. в Вологодской губернии состоялся плановый ежегодный призыв новобранцев на воинскую службу. Всего в призывные списки по губернии было внесено 12 466 человек, а после прохождения медосмотра, жеребьевой процедуры и отсева льготников принято в вооруженные силы 5002 [9, л. 41 об.; 12, с. 26]. Эти люди, как не успевшие пройти достаточной военной подготовки, на театр военных действий русско-японской войны не попали, хотя в списках иногда встречаются.

Армейские запасные западных уездов Вологодской губернии – Вологодского, Грязовецкого и Кадниковского – призывались в рамках шестой частной мобилизации, начавшейся 10 октября 1904 г. [12, с. 27; 14, с. 990–991]. Многим из них довелось участвовать в сражениях 1905 года. Призыв же в армию из остальных семи уездов Вологодчины начался лишь к концу войны, 15 июня 1905 г., по восьмой частной мобилизации [13, с. 24]. Однако этим солдатам уже не

пришлось принять участие в боях русско-японской войны, которая завершилась в августе. Тем не менее формально они могли считаться ветеранами, чем и объясняется большое число имен в сведениях землеустроительных комиссий. Реальными участниками боевых действий эти люди в подавляющем большинстве не являлись, а проследить их военную биографию по спискам не представляется возможным. Иначе обстоят дела с относительно немногими, указанными в перечнях как раненые и контуженные, что подтверждает факт их непосредственного участия в боях. Однако существуют сомнения в точности таких указаний: зафиксированы случаи, когда действительно раненые на поле боя в этих списках ранеными не обозначены [4, с. 123].

Как пример «участия» в войне по летней мобилизации 1905 г. можно привести биографию Михаила Григорьевича Калининского из села Благовещенье Нестеферовской волости Велико-Устюжского уезда. Он был призван на воинскую службу в 1899 г., уволен в запас в 1903-м и снова мобилизован в 1905-м. 1 июля 1905 г. прибыл в Казань, где зачислен в 8-й запасный батальон, а 30 августа 1905 г., то есть через неделю после окончания войны, отправлен в составе маршевого батальона на Дальний Восток: как сказано в документе, «для пополнения действующей армии» [2, л. 109 об., 112 об.] – а на деле-то уже не действующей. И хотя имя этого человека в перечне устюжской комиссии отсутствует, его судьбу повторили многие фигуранты списков, поэтому во избежание смысловых неурядиц каждый случай, каждую биографию требуется рассматривать индивидуально. К сожалению, имеющиеся немногочисленные документы не всегда дают такую возможность.

К тому же в результате неясной постановки задачи «сверху» и небрежного составления списков «снизу» перечни землеустроительной комиссии оказались неполны как в отношении реальных участников войны, так и в отношении мобилизованных. Например, в списках отсутствуют некоторые матросы – возможно, потому, что мобилизация моряков в Вологодской губернии проходила отдельно от солдат и намного раньше: в восьми уездах – весной, а в двух (Усть-Сысольском и Яренском) – летом 1904 г. [10, с. 75, 299–300]. Поэтому исчерпывающим данный источник отнюдь не является. Тем не менее он чрезвычайно важен при использовании в рамках комплексного анализа.

В первую очередь списки землеустроительных комиссий полезны для уточнения правильного написания фамилий, имен, отчеств вологжан и названий их места жительства, поскольку в волостных правлениях этой информацией о своих земляках владели лучше, чем в воинских присутствиях, полках или госпиталях, где имена и родные деревни солдат и матросов нередко записывались военными писарями на слух, что приводило к огромному количеству искажений. Но самое ценное заключается в том, что списки, зафиксировав возвращение участников войны на родину, позволили почти в прямом смысле «воскресить» ряд вологжан, ранее числившихся по документам военных лет пропавшими без вести или даже убитыми [4, с. 122]. Так как после войны эти люди благополучно проживали на малой родине, в реальности

они попали в плен на поле сражения, а по окончании боевых действий смогли вернуться в родные деревни. И такие исследовательские находки всегда радуют больше всего.

Таким образом, представленный вниманию читателя исторический источник не может считаться достоверным в плане перечисления реальных участников русско-японской войны, и его использование в исследовательских целях возможно только в сопоставлении с другими документальными свидетельствами, чем и определяется его научное значение. Поэтому следует предостеречь исследователей, и особенно краеведов, от безоглядного доверия к сведениям, изложенным в списках землеустроительных комиссий. Тем не менее, существенный объем информации, которую содержат списки, позволяет не только вносить дополнения и поправки в биографические данные ранее известных вологжан, но и достоверно выявлять новых участников войны. При обнаружении новых архивных данных в последующем, сверка их со списками, безусловно, принесет новые открытия. Поэтому, при всех недостатках этого источника информации, он имеет несомненную научную ценность.

Так как землеустроительные комиссии работали в 47 губерниях, не исключено выявление подобных списков и в других регионах России. При этом следует отметить, что такие материалы являются важным источником не только по военной истории, но и по исторической демографии, генеалогии, а также по истории землевладения и земледелия. Поскольку запасные нижние чины были самыми обычными крестьянами, представленная в списках масштабная выборка позволяет делать определенные выводы об имущественном положении крестьянства как по отдельным уездам, так и по губернии в целом. Но и в этом случае столь специфический источник может играть только вспомогательную роль.

В заключение следует отметить, что всего к настоящему времени автору известны имена 2716 вологжан – непосредственных участников сражений русско-японской войны. 2076 человек служили в сухопутных частях, 640 – во флоте. Поскольку население Вологодской губернии, согласно данным всероссийской переписи 1897 г., составляло 1 365 587 человек [15, с. 106], то общее число выявленных участников войны очень невелико – 0,2% от населения губернии, хотя в целом под мобилизации людей попало намного больше. Тем не менее вологжане участвовали во всех знаковых событиях русско-японской войны на суше и на море: от легендарного боя крейсера «Варяг» до Мукдена и Цусимы [3, с. 421]. Обнаруженные сведения однозначно свидетельствуют о неоспоримом массовом героизме вологжан, проявленном ими в годы войны. Поэтому нынешние северяне, живущие на обширной территории бывшей Вологодской губернии, имеют полное право гордиться своими предками и земляками.

Литература

1. Великоустюжский центральный архив (ВУЦА). – Ф. 72. – Оп. 1. – Д. 31.
2. ВУЦА. – Ф. Р-574. – Оп. 3. – Д. 133.
3. Гладких, С.А. Выявление участников русско-японской войны 1904–1905 гг. на территории бывшей Вологодской

губернии / С.А. Гладких // Пятые всероссийские краеведческие чтения (Москва – Владимир, 27–28 мая 2011 г.). – Москва: Издательский центр «Краеведение», 2012.

4. Гладких, С.А. Поиск устьяков – участников русско-японской войны 1904–1905 годов: успехи, проблемы, перспективы / С.А. Гладких // Заволочье. Устьянская земля. – Вып. 4. – Октябрьский: Устьянский краеведческий музей, 2018.

5. Государственный архив Архангельской области (ГААО). – Ф. 1425. – Оп. 1. – Д. 314.

6. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. 287. – Оп. 1. – Д. 1.

7. ГАВО. – Ф. 287. – Оп. 1. – Д. 71.

8. ГАВО. – Ф. 288. – Оп. 2. – Д. 6.

9. ГАВО. – Ф. 726. – Оп. 3. – Д. 387.

10. Летопись войны с Японией. – Санкт-Петербург: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1904.

11. Наказ землеустроительным комиссиям // П.А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы. – Москва: РОССПЭН, 2011. – Т. 2.

12. Обзор Вологодской губернии за 1904 год. – Вологда: Типография губернского правления, 1905.

13. Обзор Вологодской губернии за 1905 год. – Вологда: Типография губернского правления, 1906.

14. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е: [С 1 марта 1881 года по 1913 год]. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1907. – Т. XXIV: 1904. [В 2 отд-ниях]. – Отделение I.

15. Россия: Энциклопедический словарь. – Ленинград: Лениздат, 1991.

S.A. Gladkikh

**ABOUT ONE HISTORICAL SOURCE
CONCERNING PARTICIPATION OF VOLOGDA PROVINCE INHABITANTS
IN THE RUSSO-JAPANESE WAR**

The article deals with the historical source «Lists of spare lower ranks of the Manchurian army and fleet from Vologda province counties». It was found in the funds of the State Archive of Vologda Oblast. The author investigates the merits and demerits of the document and concludes that it is of great historical significance.

Vologda Province, participants of the Russo-Japanese war, historical source.